

Ольга Здравомыслова, Горбачев-Фонд *Большевистская сексуальная революция: взгляд современников и дискуссия сто лет спустя*

У большевиков речь шла о революции законов, которые (в терминологии того времени) проводятся революционной властью и осуществляют волю вождей революции. Эти законы, направленные, прежде всего, на изменение роли женщины в семье и обществе, меняют базис отношений между мужчиной и женщиной, поскольку обеспечивают законодательное закрепление равенства полов. Поэтому, обращаясь к столь актуальной теме как политизация гендера, надо иметь в виду, что начало этому было положено большевистской революцией. Впоследствии преобразования в сфере гендерных отношений, семьи и сексуальности стали одним из ключевых пунктов политики партии и Советского государства.

Используя понятие сексуальная революция, надо иметь в виду, что оно имеет, по крайней мере, два значения. С одной стороны, это, безусловно, процесс, у которого есть известное определение, воспроизведенное И.С.Коном: длительный дискурсивный процесс отделения сексуальности от репродукции. В основе здесь лежит рост индивидуализации, а также секуляризации и автономизации. Ценность автономии, понимание индивидом своих границ и границ Другого - чрезвычайно важны и, собственно, это делает устойчивыми изменения, достигнутые сексуальной революцией.

Однако сексуальная революция – это, безусловно, еще и *историческое событие*, которое случается не в любом обществе. Тем не менее, оно произошло на Западе. И оно произошло и в России.

Событие под названием «сексуальная революция в России», связано с конкретным периодом Русской революции, с 1917 – 1923 годами. Сексуальной революцией считается предпринятая тогда большевиками, взявшими власть, попытка «изменения русского семейного и брачного

порядка» (именно так определяли это современники). Речь шла о глубоком перевороте, который они начали осуществлять и который, как они считали, имел не меньшее значение для общества, чем политическая революция.

Словосочетание «сексуальная революция» было произнесено именно тогда и именно в России. Существует почти неизвестная у нас, не переведенная на русский язык работа Григория Абрамовича Баткиса, которую мне удалось прочесть, когда журнал «Демографическое обозрение» заказал мне текст, посвященный Баткису как автору брошюры «Сексуальная революция в России» (1923 г.), переведенной на немецкий язык и опубликованной в Германии в 30ые годы. Известно, что эта брошюра послужила одним из источников для написания знаменитой работы Вильгельма Райха «Сексуальная революция», после чего сам термин вошел в оборот.

Важно сразу подчеркнуть, что как Баткис, излагавший идеологию и сексуальную политику большевиков, так и Райх, вкладывали в понятие «сексуальная революция» другой смысл, чем современные исследователи. Этот современный подход был достаточно полно представлен в предыдущем докладе Анной Темкиной.

У большевиков речь шла о революции законов, которые (в терминологии того времени) проводятся революционной властью и осуществляют волю вождей революции. Эти законы, направленные, прежде всего, на изменение роли женщины в семье и обществе, меняют базис отношений между мужчиной и женщиной, поскольку обеспечивают законодательное закрепление равенства полов.

В большевистском понимании сексуальная революция совпадает с принятием трех важнейших законов, Декретов советской власти: "О гражданском браке, детях и о введении книг актов гражданского состояния (1917 г), "О разводе» (2017) и первый советский семейный кодекс - Кодекс

законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР (1918).

Не буду останавливаться на текстах законов (хотя сам язык здесь, безусловно, важен и интересен для анализа). Главное в них – это, во-первых, идея секуляризации, отделение брака и семьи от церкви, отмена религиозных основ брака. Во-вторых, отказ от патриархальной семьи, основанной на деспотической власти мужчины над женщиной и детьми.

Большевики это сделали и другим словом, чем революция, этот переворот назвать невозможно. Свод законов, отменявших семейно-брачное законодательство Российской империи, заложил основы для новых отношений между мужчиной и женщиной, семьей и государством, между женщиной и государством.

Итак, большевики считали и называли сексуальной революцией переворот в сфере законодательства о семье и гендерных отношениях. Обращаясь к столь актуальной теме как политизация гендера, надо иметь в виду, что начало этому было положено большевистской революцией. Впоследствии преобразования в сфере гендерных отношений, семьи и сексуальности стали одним из ключевых пунктов политики партии и Советского государства.

Можно выделить несколько ответов со стороны современников Октябрьской революции на этот вызов.

Как оказалось, самым мощным ответом тогдашнего общества было неприятие сексуальной революции и сопротивление патриархального русского населения, не готового к изменениям, не понимавшего их, - по сути, враждебного большевистским идеям и преобразованиям в сфере семьи и повседневности.

Излишне говорить, что большевиков это не смущало, поскольку важнейшей частью их идеологической и политической программы было осуществление грандиозного проекта построения нового мира и создания

нового человека. Надо сказать, что среди деятелей Октябрьской революции были те, которые рано или поздно осознали: большевики столкнулись с обществом, которое их не принимало, и они с этим обществом не справились. Точнее других это выразил Троцкий. Он писал, что большевики хотели кавалерийским наскоком взять патриархальную семью, но этого не получилось, потому что не бывает равенства на основе обобщенной нужды.

Известно также, что в начале 20-х годов в большевистской среде шла бурная дискуссия о целях и задачах сексуальной революции. В этой дискуссии столкнулись две позиции. Одну представляла Александра Коллонтай, другую - Арон Залкинд.

Сейчас, с легкой руки СМИ, их взгляды излагают, скорее, карикатурно. Если же внимательно и непредвзято читать Коллонтай, хотя бы ее самую известную работу «Дорогу крылатому Эросу! Письмо к трудящейся молодежи» (1923 г.), где она проповедует идеал личных отношений, лишенных экономической и любой другой зависимости, нельзя не заметить, что Коллонтай предвосхищает то понимание процессов демократизации семьи и трансформации интимности, которое по-настоящему заявило о себе в результате революций 68-го на Западе.

Залкинд, в отличие от Коллонтай, разрабатывал доктрину авторитарного регулирования сексуальности. В «двенадцати половых заповедях революционного пролетариата» (1924) он пропагандировал подчинение сексуальности задаче «роста коллективистических чувств» в интересах «классовой организованности, производственно-творческой активности» пролетариата. И.С. Кон доказывал, что позиция Залкинда оказалась наиболее близкой советской власти, которая использовала ее в своей идеологии и сексуальной политике.

Однако нельзя игнорировать то, на что обращали внимание современники, проводившие исследования в 20-е годы: новые нормы воспринимались населением, особенно молодежью. Так, в начале 20-х годов

в России снизился уровень проституции, проявилась тенденция к развитию партнерских отношений между мужчиной и женщиной. Новые нормы не были устойчивыми, они сталкивались и конфликтовали с нормами прежнего, укоренного гендерного порядка. Послереволюционная жизнь была хаотичной, а люди - дезориентированными. Наиболее проникательным идеологам сексуальной революции становилось все яснее, что законы – только внешняя рамка, а для более глубоких изменений необходима культурная революция, без которой сексуальная революция осуществиться не может.

Один из самых известных консервативных критиков большевистской сексуальной революции, Питирим Сорокин, опираясь на статистические и социологические данные, выступил с предупреждением о стремительной девальвации института брака и деградации морального состояния общества. Основываясь на своих наблюдениях начала 20ых годов, Питирим Сорокин пришел к идеям, которые он страстно защищал до конца своей жизни. Об опасности, которую несут общественной стабильности сексуальная революция и сексуальная либерализация. О безальтернативности гендерного порядка, поддерживающего традиционную семью, брак и сексуальность, способного преодолеть хаос, в который ввергает общество революция. В неприятии всякого рода сексуальных революций, включая в них модернизацию семьи и гендерных отношений, Питирим Сорокин зашел так далеко, что его, кажется, нисколько не смущали репрессивные законы и практики регулирования семьи и сексуальности, введенные в СССР в 30ые годы.

Я исхожу из того, что в советской России довоенного времени выделяются два этапа революционной трансформации гендерных отношений, семьи и сексуальности. Первый - собственно, сексуальная революция, или большевистский натиск на патриархальную семью, какой она сложилась в царской России. Второй этап – сексуальная

контрреволюция, произведенная в сталинском СССР в 30-е годы - также с помощью законов и железной волей власти.

Результатом этого сложного, революционного по своей сути процесса было установление особого этатистского (определение Е. Здравомысловой и А. Темкиной) гендерного порядка, или «советского патриархата». Базовыми в нем были - новая роль и новый социальный статус женщины - работающей матери. Благодаря этому произошло соединение традиционного представления о «естественном» предназначении женщины и представления о «равноправной» женщине - матери и труженице, выполняющей обязанности по рождению, воспитанию детей и работающей на благо государства. То, что аналогичные роль и статус, исчерпывающие доступные женщине возможности личного выбора, остаются базовыми и сейчас, в России XXI века, есть свидетельство того, что, большевистская сексуальная революция, соединившая в себе элементы гендерной, семейной и собственно сексуальной революции, - не закончена.

Свидетельство этому - само отношение к большевистскому эксперименту, доминирующее в России сейчас. Через 100 лет после Октябрьской революции исследователи, журналисты, общественные деятели, скорее, упрощают тот исторический опыт, не желая вникать в то, о чем писали наиболее внимательные наблюдатели - современники событий. А они глубоко и всесторонне проанализировали процесс постепенного, неумолимого перехода - от законов, вводивших новые представления о личных и общественных свободах, - к политике подчинения личности и семьи воле тоталитарной власти.

Вердикт о большевистской сексуальной революции, ставший более или менее общепринятой точкой зрения среди современных российских исследователей, вынес И.С.Кон. Он гласит, что большевики с самого начала не ставили иной цели кроме цели полного подчинения населения железной воле власти и «законам коммунизма» - большевики с самого начала думали

не об освобождении, а силой заталкивали тогдашнее общество в тоталитарный порядок, который сами сознательно установили...

И все-таки первый натиск революции, серия законов, принятых в первые годы советской власти, значили для российского общества чрезвычайно много. Что бы ни происходило потом, это начало - событие и опыт, который невозможно вычеркнуть из российской истории демократизации гендерных отношений и либерализации сексуальности. Уже доказано, что либерализация советского семейного законодательства, происходившая во время правления Брежнева, возрождала дух законов, принятых в самом начале советской власти и отвергнутых в 30-е годы. А в 90-е годы знаменитая 7-я статья Конституции, в которой впервые прозвучала мысль о равной значимости материнства и отцовства, является почти цитатой из Кодекса законов о семье, принятого большевиками.

Иначе говоря, событие сексуальной революции начала 20-х годов остается важным ресурсом как для политики либерализации семейного и гендерного законодательства, так и для современной дискуссии о сексуальности и гендерных отношениях.

Однако сейчас этот ресурс почти полностью дискредитирован. С преобладающим в академическом сообществе мнением, что сексуальная революция большевиков – только логический шаг в постепенном установлении тоталитарного контроля над личностью, смыкается точка зрения власти. Согласно последней, «социальные эксперименты 1917-1920 годов» представляют собой сознательное разрушение семьи - «одного из оплотов самодержавия» и «связей между браком, религией и церковью» через узаконивание «фактического» брака. (Концепция государственной семейной политики, 2013)

Очевидно, что отторжение, девальвация и дискредитация всего, что было сделано в период 1917-1920 годов, является важным элементом идеологии консервативного поворота, начало которого, как считается, можно

датировать 2006 годом. Очевидно также, что в неприятии события сексуальной революции, которое произошло в 17-м – в начале 20-х годов, сходятся либеральные исследователи и консервативная власть. Приняв это, мы заодно отказываемся от отечественных традиций женской эмансипации и эмансипации сексуальности, питающих русскую культуру и общественную жизнь, по крайней мере, с середины XIX века.

Отвергнув эту линию и сведя опыт сексуальной революции в России 20ых к тоталитарному эксперименту, можно лишиться важного культурного ресурса критики и противодействия консервативному повороту. На наших глазах он осуществляется методами насилия над обществом, которые рифмуются с не слишком отдаленным прошлым, когда кавалерийским наскоком вводились «законы свободы». Теперь, похоже, волевым способом пытаются ввести «консервативные» законы, представляя патриархальную семью в качестве идеала и мечтая о воспроизведении традиционного гендерного порядка.

Анна Темкина. Мне нравится тезис, что это была революция по некоторым критериям, по которым она была революцией. Но мне не хватает здесь аргумента о том, как соотносилось решение узлового вопроса изменения интимной жизни. Потому что, собственно говоря, все эти три закона – об изменении, говоря современным языком, гендерной системы, а не сексуальности как таковой.

А сексуальность в принципе не напрямую подчиняется закону о гендерных отношениях. Можно разрушить патриархальную семью, но сексуальность останется такой, какой она была.

В этом смысле у меня такое ощущение, что законы касались, скорее, гендерных отношений, а то, что касалось интимной сферы – это была Коллонтай. Это была идеология? Да. Они связаны, конечно, безусловно.

Такой вопрос: как соотносится уровень именно сексуальности и регулирования семьи. Понятно, что они друг с другом связаны. Но все-таки, мне кажется, что из этих законов напрямую сексуальная революция не следует.

Ольга Здравомыслова. Дело в том, что это название «сексуальная революция» – принадлежит ее современникам, и я сразу сказала, что их понимание и современное понимание – различны. У них «сексуальная революция» включает в себя семейную революцию, гендерную и сексуальную. Сексуальная революция в более близком нам понимании, трансформация сексуальности на уровне идеологии, представлена была очень небольшой частью большевиков, понимавших важность этого. Безусловно, они атаковали институт патриархальной семьи. Но у них это было все в одном комплексе.

Другое дело, что изменение законодательства, прежде всего переворот в институте семьи, и в положении женщины, повлияли на сексуальность, повлияли и в то время. Это было очевидно. И вопрос не только в идеологии, которую представляла КоллонтайЮ но и в эмпирических свидетельствах того времени, тенденция изменения сексуальности, которые происходили уже тогда.

Любовь Борусяк. На мой взгляд, это была, прежде всего, анти-семейная революция. Но начать хочется с более раннего времени. Все начало XX века предреволюционное. Это период сильного увлечения фрейдистскими идеями. Пришла проблема пола, появилось множество модных романов, огромное количество литературы, начались эксперименты, в которых участвовала элита тогдашнего русского общества.

На мой взгляд, в период революции произошло очень странное соединение политики и идеологии. Потому что политика была понятная: с буржуазную семью надо разрушить. А то, что касается сексуальности, то рассуждения о проблеме пола шли из элитарных кругов. В то же время в

подшивках газет за 1926-1928 годы – данные о чудовищной эпидемии венерических заболеваний как последствия разрушения норм сексуального поведения. Там буквально как сводки с фронтов: в губернии такой-то 150 тысяч заболевших гонореей и сифилисом. Все отчитывались и не знали, что с этим делать, с этим, скажем так, «Крылатым Эросом». Отчасти, может быть, вынуждены были крылья ему подрезать...

Ольга Здравомыслова. Нельзя все-таки проводить прямую линию между «Крылатым Эросом» Коллонтай и ростом числа больных венерическими болезнями в революционной России. Это разные явления, у них нет единственной общей причины.

С.И.Голод назвал период 20-х годов дионисийством. Конечно, учитывая время – Первая мировой война, гражданская война, когда люди теряли представление о том, что есть норма, что есть не норма. Это, безусловно, был хаос. И все равно двигаться дальше можно было разными путями. По крайней мере, какое-то пространство для маневра существовало. И тот исторический путь, который был начертан в результате, не являлся единственным и неизбежным. Поэтому так интересно и, я бы сказала, полезно для потомков анализировать то, как шаг за шагом большевики все сильнее сужали возможность выбора и в результате нашли единственный способ победить стихию, которую они, в конечном счете, не победили, но на какое-то время сковали железными рамками репрессивных законов и государственного насилия.

Елена Ярская-Смирнова. Информация об эпидемии венерических заболеваний – это, своего рода, дискурсивный поворот, потому что это было выявлено и об этом сказали публично. Вообще говоря, распространенность венерических заболеваний раньше не отслеживалась так подробно и тем более, не обсуждалась публично. Она была высокой не только и не столько в городах, сколько в сельской местности.

Я ездила в киноархив, смотрела демографические фильмы конца 20-х годов о том, как немецкие врачи вместе с советскими врачами выявляли огромное количество заболевших сифилисом и лечили их. В основном, эти заболевания не половым путем, а бытовым. Отсутствие гигиены играло здесь первоочередную роль.

Ольга Здравомыслова. Спасибо, Елена, за это дополнение и уточнение. Я только хотела бы подчеркнуть, что, несмотря на хаос, который царил тогда в головах и частично в поведении, образ вакханалии, которая разыгралась в 20-е годы, существенно преувеличен. Но сейчас он используется очень широко, и, если посмотреть то, что писалось о сексуальной политике большевиков в связи со столетием Русской революции, то, прежде всего, это: общество «долой стыд», «разгул» венерических заболеваний, коммуны «вместо» семьи, «указы» об обобществлении женщин в разных губерниях и т.д. и т.п. Журналисты считают, что именно такой материал привлекает сейчас публику, но исследователи не могут принять эту информацию на веру и делать выводы, основываясь на ней.